

Частный самолёт плавно приземлился на взлётно-посадочную полосу отечественного аэропорта.

Цзюнь Цяньмо едва ли не сгорал от нетерпения ступить вместе с Му Шэнфэем на родную землю — та мутная вода и скрытые угрозы в стране А не позволяли ему оставаться там ни секундой дольше.

Стоит признать, на родине поистине прекрасно, уровень безопасности здесь всё же значительно выше.

Ничего такого он не имел в виду, просто искренне считал, что дома относительно безопаснее.

Едва его ноги коснулись твёрдой земли, как восстановилась сотовая связь, и на экран один за другим градом посыпались уведомления о непрочитанных сообщениях и пропущенных вызовах.

Цзюнь Цяньмо, одновременно оберегая Му Шэнфэя и направляясь к ожидавшей их машине, бегло просматривал входящие.

В самом свежем сообщении от помощника Хэ чётко значилось:

Поступили новости из-за рубежа: Цзюнь Чжоу и сопровождавший его Шэнь Чживей минувшей ночью при загадочных обстоятельствах пропали без вести в собственном доме. Никаких следов борьбы или взлома на месте происшествия не обнаружено, оба словно растворились в воздухе. Местная полиция уже подключилась к расследованию, но пока никаких зацепок.

Пропали? Растворились в воздухе?

Сердце Цзюнь Цяньмо бешено заколотилось, и мощное, лишённое всяких оснований предчувствие заставило его тут же перевести взгляд на стоявшего рядом человека.

К этому делу совершенно точно имел самое непосредственное отношение таившийся под боком безобидный на вид ручной златопёрый птенчик!

Юноша послушно шел рядом, слегка опустив голову, а чёлка на лбу скрывала часть бровей и глаз, отчего он казался тихим и покорным, словно совершенно ничего не зная об окружающем мире.

Солнечный свет падал на его нежную кожу, позволяя разглядеть даже тончайший пушок на лице, — до невероятного чисто и добропорядочно.

Интуиция подсказывала, что сейчас приближаться к Му Шэнфэю несколько опасно, но

внутренний голос твердил: если он посмеет прогнать Му Шэнфэя, то непременно пожалеет об этом!

Цзюнь Цяньмо глубоко вздохнул, подавляя бушевавшую в груди бурю, и сперва бережно усадил спутника в машину.

Дверь закрылась, отрезая уличный шум и создавая относительно уединённое пространство.

Автомобиль плавно выехал с территории аэропорта.

Однако взгляд Цзюнь Цяньмо ни на секунду не отрывался от Му Шэнфэя.

Он протянул руку и по привычке взъерошил мягкие волосы на макушке Му Шэнфэя — те по-прежнему оставались пушистыми и шёлковыми, а на ощупь были просто бесподобны.

Хотя жест Цзюнь Цяньмо был полон нежности, в его глазах читалось невиданное прежде стремление докопаться до истины. Слишком странно. На удивление милое, послушное и прекрасное золотое канареечко таило в себе слишком много загадок.

И всё же, даже в такой ситуации продолжать думать о том, что канарейка милая, послушная и прекрасная — это было уже выше всяких похвал.

— Шэн-шэн... — Цзюнь Цяньмо заговорил, и его голос вроде бы звучал как обычно, но в нём таилось едва уловимое напряжение. — Ты... и вправду всего лишь простой человек?

Услышав это исполненное невысказанных чувств «Шэн-шэн», Му Шэнэнь невольно усомнился, не заболел ли он часом. Иначе как он мог влюбиться в такого скрытного типа?

Причём сейчас всё горело синим пламенем.

Му Шэнэнь не понимал происходящего, но старался отнестись к этому с уважением.

Цзюнь Цяньмо замолчал, наблюдая за реакцией Му Шэнэня, и продолжил с прозрачным намёком прощупывать почву:

— Цзюнь Чжоу и его маленькая любовница... исчезли слишком странно. Этот почерк — чистый и решительный... обычный человек на такое не способен.

Му Шэнэнь поднял глаза. За стёклами очков его взгляд был чист до самого дна, отражая лишь капельку умеренного недоумения, будто он совершенно не понимал, о чём речь.

В душе же он молча вздыхал: интуиция у Сына Небес и впрямь отменная.

Му Шэнэнь склонил голову набок, и его тон звучал искренне и невинно:

— Господин, я, конечно же, простой человек.

Формально в этих словах не было ни единой лжи: досье его нынешней личности было чистейшим.

Система 886 отлично справлялась с созданием легенды. И хотя под конец вышла небольшая накладочка, «он» существовал в этом мире совершенно реально — и было бы чудом, если бы Цзюнь Цяньмо смог хоть что-то раскопать.

Цзюнь Цяньмо явно не верил. Ответ маленькой канарейки выглядел так, будто та держала его за дурака.

Пытаясь проявить толику властности благодетеля, он слегка подался вперёд, создавая ощущение давления, и в упор уставился на него горящим взглядом:

— Правда? Не обманываешь меня? И то дело... действительно никак с тобой не связано?

Глядя на то, как тот изо всех сил старается напустить на себя суровый вид, хотя на самом деле на дне его глаз прятались тревога и любопытство, Му Шэнэнь подумал лишь одно... это даже мило.

Как бы это сказать? Немного смахивало на сцену ревности, когда допытываешься у возлюбленного, не связывает ли его что-то с кем-то ещё. Разумеется, так считал только Му Шэнэнь.

Однако его истинную личность действительно было трудно объяснить. Нельзя же заявить: я, мол, не из этого мира, явился сюда выполнять задание, а прошлой ночью заодно мимоходом «испарил» твоего второго дядюшку и его пассив? Му Шэнэнь поймал себя на мысли, что Цзюнь Цяньмо, пожалуй, счёл его душевнобольным или нёсшим какую-то чушь.

Поразмыслив, он был вынужден зайти с куда более окольных путей и, слегка подавшись вперёд, приблизился к Цзюнь Цяньмо.

Голос его упал до шёпота, приобретя интонацию человека, делящегося сокровенной тайной:

— Я могу сказать лишь... что они больше никогда не придут докучать господину. Разве это плохо?

Если вслушаться, в голосе Цзюнь Цяньмо послышался даже лёгкий намёк на обиду, отчего у него на мгновение бешено застучало сердце.

Но! В ушах Цзюнь Цяньмо этот уклончивый ответ звучал почти как чистосердечное признание.

Его маленькая золотая пташка косвенно во всём созналась!

Зрачки Цзюнь Цяньмо сузились. В шоке уставившись на Му Шэнэня, он бессознательно протянул руку и ущипнул его за щёку, словно проверяя, взаправду ли перед ним этот человек:

— И впрямь ты... Как тебе это удалось?!

Му Шэнэнь от такого жеста одновременно испытал и досаду, и веселье, после чего легонько шлёпнул Цзюнь Цяньмо по руке:

— Господин, мы же просто беседуем, к чему распускать руки?

И надо же какому человеку не идти впрок любые уроки! Видимо, память о недавнем укусе за ладонь полностью стёрлась.

Всхлип, но... это же чистой воды награда! — в сознании 886 прорезалось лёгкое раздражение.

Его прекрасный хозяин обычно лишь пощипывал его самого, и уж точно не кусал пухлика, в отличие от хозяев других систем.

886, страдавшее тяжёлой формой эстетизма, безусловно, просто обожало своего красивого хозяина!

Цзюнь Цяньмо и сам понял, что отреагировал слишком бурно, и с виноватым видом отдёргнул руку, однако взгляд, которым он теперь смотрел на Му Шэнэня, изменился кардинально.

В нём смешались шок, замешательство, затаённый страх и непередаваемое, куда более яростное любопытство вперемешку с жаждой докопаться до истины.

Сколько же тайн на самом деле скрывалось за душой этой маленькой золотой пташки?

Му Шэнэнь тем временем, ощущая на себе пронзительный взгляд Цзюнь Цяньмо, который, казалось, норовил просверлить в нём дыру, мысленно вынашивал совершенно иной план.

Пришло время всерьёз задуматься о том, как окончательно «прибрать его к рукам».

И речь шла вовсе не о той двусмысленной и туманной связи, где один выступает в роли содержанки, а о вполне конкретном, полном обладании телом и душой этого человека.

Хочешь чего-то — бери и владей: таково было одно из наставлений, полученных им от старших товарищей, а ему... от Цзюнь Цяньмо требовалось нечто гораздо большее, чем просто его общество.

[Хозяин, а разве ты сейчас ещё не считаешь избранника небес полностью покорённым?] — с любопытством выскочило 886. — [По-моему, избранник небес уже вовсе к тебе привязался.]

— Ничуть, — хладнокровно отозвался в своём сознании Му Шэнэнь, прекрасно чувствующий, что Цзюнь Цяньмо пока находился лишь на самом пороге влюбленности. — Он ведь даже понятия не имеет, кто именно доминировал в ту ночь. Мне нужно нечто большее.

[Но... но ведь 886 — это система обольстителей непревзойденной красоты!] — потоки данных 886 слегка запутались. — [Разве ты не хочешь быть в пассивной роли? Я-то думал, что первый раз был случайностью, и раз уж ты побывал в активной роли хоть раз, то больше не собираешься...]

Му Шэнэнь: Благодарю покорно, но вообще-то ему куда больше нравилось быть сверху.

— Как насчёт... — игриво протянул Му Шэнэнь, — сменить название? Система обольстителей непревзойденной красоты — звучит же неплохо, верно?

[.....]

886 погрузилось в молчание, а его сгусток цифрового света едва заметно завибрировал, словно производя сложные логические вычисления.

На самом же деле всё обстояло иначе: система просто размышляла над тем, сколько очков потребуется для смены имени. Все системные наименования утверждал сам Владыка, обладавший некоторой... жизнерадостностью (если это можно так назвать), из-за чего 886 и досталось столь нелепое прозвище, хотя на самом деле сменить его жутко хотелось...

Уловив в этом молчании нечто необычное, Му Шэнэнь неожиданно воспрянул духом и с

неподдельным интересом произнёс:

— Судя по твоему виду, ты... почему-то совсем не против того, чтобы я прибрал к рукам избранника небес?

Его мысли лихорадочно занеслись вперед, стоило ему вспомнить, что в самый первый день своего появления в этом мире он умудрился уложить в постель никого иного, как сына Небесного пути.

Тогда система ограничилась лишь кратким вздохом удивления, после чего не только не стала чинить препятствий, но в какой-то мере даже... тайком одобряла его сближение с Цзюнь Цяньмо?

[А? Насчет этого...] — тон 886 показался несколько уклончивым, а его световой сгусток качнулся из стороны в сторону. — [Видишь ли, мы ведь принадлежим к отделу романтики... У нашего отдела масса подобных прецедентов, когда хозяева влюблялись в обитателей малых миров... Отдел романтики всячески поощряет вашу свободную любовь! Да-да, исключительно свободную любовь!]

Подобные объяснения звучали на редкость высокопарно, но при этом явно уходили от сути.

— Вот оно как... — Му Шэнэнь задумчиво потёр кончики пальцев, а в глубине его глаз промелькнула искра понимания и куда более лукавая улыбка.

Похоже, позиция его «системы обольстителей непревзойденной красоты» была на редкость занимательной.

[Уровень разрушения вырос на 5%]

Автомобиль продолжал свой путь, и оба пассажира были погружены в собственные мысли.

Один из них тонул в пучине шока от осознания того, что его золотая птишка, судя по всему, является невероятно могущественным старшим, тогда как второй принялся всерьёз обдумывать план того, как окончательно и безраздельно обратить этого наивного (?) избранника небес в свою личную собственность.

<http://bllate.org/book/21336/2164261>